

УОЛЛИ ЛЭМБ

УОЛЛИ ЛЭМБ

**ОНА
ДОВЕДЕНА
ДО ОТЧАЯНИЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л92

Серия «Настоящая сенсация!»

Wally Lamb

SHE'S COME UNDONE

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Atria Books, an imprint of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Лэмб, Уолли.

Л92 Она доведена до отчаяния : [роман] / Уолли Лэмб ; [пер. с англ. О. А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-100371-5

Завораживающая история женщины по имени Долорес Прайс.
История пути к себе длиною в жизнь.

История одиночества и поисков дружбы, любви и верности
в нашем изменчивом мире.

История, в которой драма соединяется с юмором, а горечь —
с сарказмом.

История, в которой есть место для боли и исцеления, для неж-
ности и утраты, для отчаяния и надежды. И для борьбы за право
быть собой и жить по собственным правилам...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Wally Lamb, 1992

© Перевод. О.А. Мышакова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100371-5

*Кристине,
которая смеялась и плакала
и в чем-то стала прообразом
моих персонажей*

«Она до сих пор где-то рядом»

*(вступительное слово к юбилейному изданию
по случаю двадцатилетия романа)*

Впервые Долорес Прайс явилась мне в виде голоса. Я торопливо мылся в душе после утренней пробежки, готовясь к новому дню преподавания в старшей школе, где работал уже девять лет. «Ну все, бросил меня мой козел, — сказал голос. — Ну и скатертью дорога». Долорес еще была безымянной и невидимой, но эти десять слов она произнесла уязвленно, с вызовом — и юмором, чем меня и подкупила.

Несколькими годами ранее в возрасте тридцати лет я стал отцом и начал писать короткие рассказы. На первый День отца моя жена Кристина подарила мне тогдашний хай-тек — электронную пишущую машинку (шел 1981 год). В тот день, когда женский голос заговорил со мной о своем бывшем козле, у меня уже лежали готовыми четыре рассказа. Я дал голосу имя — Мэри-Энн, и она начала рассказывать о своем браке и разводе. Я решил, что пишу короткий рассказ номер пять.

О Мэри-Энн было уже написано страниц двадцать, когда однажды утром по неизвестной причине мне вспомнилась семнадцатилетняя старшеклассница, которую я видел десять лет назад на стажировке в школе. Шейла была одиночкой и интровертом: из-за ожирения она не помещалась за парту и сидела у задней стены класса за обычным столом. Одноклассники ее не травили, но от ее габаритов им было неловко, и они ее попросту перестали замечать. Шейла никогда не открывала рта и ни с кем не общалась. Пока другие дети не оглядыва-

лись, ее как бы и не было. В безмерной молодой наивности я решил заняться спасением Шейлы, заняв ее в общей дискуссии, но всякий раз, когда я называл ее имя, она лишь молча качала головой. Жир служил ей крепостными стенами, непробиваемыми для салаги-стажера, и до конца стажировки Шейла оставалась для меня загадкой. Когда через десять лет я вдруг вспомнил о ней, в голове словно сверкнула молния. Я соединил придуманный голос Мэри-Энн с образом реальной Шейлы, и рассказ сразу ожил и заиграл.

В то время я заочно учился в колледже Вермонт (сейчас это Вермонтский колледж изящных искусств) на магистра и показал свой рассказ нашему преподавателю Глэдис Свон. «Дорогой мой, — сказала она, — по-моему, у вас слишком много холста на пару штанов для малой-то формы». Я спросил, что, по ее мнению, мне нужно выбросить.

— Может, и ничего, — ответила Глэдис. — Кажется, вы пытаетесь сказать себе, что вам хочется написать роман.

Если бы я знал, что вот-вот отправлюсь в девятилетнюю поездку по американским горкам, итогом которой станет «Доведенная до отчаянья», я бы выбежал из аудитории с криком ужаса, но ситуацию спасло мое невежество.

— Роман? — переспросил я. — А как пишут романы?

Глэдис посоветовала обратиться к первоисточникам.

— Мир очень стар, и написать абсолютно оригинальное произведение невозможно, — заявила она. — Архетипические сюжеты вечны, потому что они проливают свет на человеческую природу. Людям хочется слышать их снова и снова. Если планируешь написать современный роман, почитай древние мифы.

Я вышел от Глэдис со списком литературы, где, в частности, значился «Герой с тысячью лиц» Джозефа Кэмпбелла, «Король и труп» Генриха Циммера и мифопоэтический шедевр Гомера «Одиссея». Невероятно, но именно последнее произведение легло в основу «Доведен-

8 ной до отчаянья»: я придумал Мэри-Энн преды-

сторию и отправил ее в полный противостояний квест на поиски себя.

Дописав до середины романа, я послал отрывок в «Нортист», воскресное приложение к «Хартфортским курантам». Фейф Миддлтон, ставшая теперь знаковой фигурой «Национального общественного радио», читала присылаемые рукописи. Она-то и известила меня, что мой рассказ понравился и она направила его редактору Ларри Блуму для ознакомления. От восторга я схватил своего сына, тогда еще дошкольника, и подбросил так высоко, что он пробил головой потолок кухни. К счастью, потолок был подвесной, из мягких пеновых панелей, так что голова Джареда просто скрылась из виду на секунду и тут же появилась снова. «Хранить в сухом прохладном месте» опубликовали в пасхальное воскресенье 1982 года. Ранним утром я поехал в магазин и купил «Хартфортские куранты». В машине пролистал журнал, нашел свой напечатанный рассказ и заорал как сумасшедший. Вскоре, готовясь к уроку по английской лексике, я прочел в словаре определение слова «dolorous»: «Отмеченный грустью, печалью или скорбью». Тогда-то Мэри-Энн и стала Долорес.

Во всей литературе не найти персонажа, более непохожего на дерзкого храбреца Улисса, чем замкнутая и язвительная Долорес Прайс, однако их одиссеи довольно схожи. Улисс покинул родную и любимую Итаку, сражался в Троянской войне, а потом долго искал дорогу домой. Долорес очертя голову вырвалась из удушающего, замкнутого покоя бабкиного дома в Истерли, Род-Айленд, чтобы выполнить желание покойной матери и поступить в колледж. В своих странствиях и Улисс, и Долорес получили боевое крещение и огребли по полной, при этом неплохо навалив и обидчикам. И тому, и другой пройти путь до конца помогли оракулы. «Я скажу тебе, что я из всего этого вынес, — говорит Долорес ее товарищ мистер Пуччи, прежде чем умереть от СПИДа. — Бери то, что люди тебе предлагают. Пей их молочные коктейли. Принимай их любовь». Подобно Улиссу, после долгих скитаний Долорес возвращается домой другим челове-

ком — печальнее, мудрее, готовой применять усвоенные уроки на практике, чтобы ради себя и других вести более аутентичную жизнь.

Когда впереди замаячил финал романа, меня одолели фантазии насчет того, чтобы его издать, хотя я представления не имел, как это делается. Тут как раз у родителей случился сорокалетний юбилей совместной жизни, и я подарил им поездку в Нью-Йорк, заказав номер в отеле «Эдисон», где они останавливались в свой медовый месяц. Из Нью-Йорка я попросил маму с папой привезти «Желтые страницы» с адресами каких-нибудь нью-йоркских издательств. Вежливая и робкая мама подошла к стойке регистратуры в «Эдисоне» и справилась, нельзя ли из телефонной книги в номере вырвать нужный раздел. Отец рассказывал, что клерк как-то странно на нее посмотрел и ответил отказом. Мой не столь робкий и вежливый папа применил иной подход — он поднялся в номер и выдрал необходимые страницы без спроса.

Рассудив, что в издательства тоже присылают рукописи и мне непременно снова повезет, я упоенно набивал большие коричневые конверты и надписывал адреса, когда в мой кабинет поднялась супруга и подала письмо на розовом, как «Мэри Кей», листке. Письмо оказалось от литературного агента из Калифорнии Линды Честер, которая прочла один из моих рассказов, «Астронавты», опубликованный в «Миссури ревью». Если у меня уже есть литературный агент, писала Линда, пусть тогда ее письмо будет как от поклонницы (поклонницы? Моей?!). Но если я агента только ищу и у меня есть готовая вещь крупного формата — скажем, роман, то нам есть о чем поговорить.

На правах моего литературного агента Линда пообещала Джудит Реган, талантливому редактору из «Саймон и Шустер», «первый взгляд» на «Доведенную до отчаянья», как только она будет закончена. Так получилось, что к Джудит рукопись попала в самое неудачное время:

редактор взяла ее с собой в больницу, куда ложилась делать кесарево сечение (в результате которо-

го появилась на свет ее дочка Лара). Позже Джудит Реган рассказывала, что после операции у нее подскочила температура, начались боли и меньше всего хотелось что-то читать. Она взялась за рукопись с намерением пробежать наискосок страниц двадцать и отправить обратно с вежливым отказом, однако читала до утра, а сразу после выписки поковыляла в «Саймон и Шустер» и сказала издателю, что хочет купить этот роман.

Еще в декрете Джудит пригласила меня на встречу в манхэттенском ресторане в Верхнем Уэст-Сайде. Помню, был знойный августовский день. Абсолютный новичок в Нью-Йорке, я даже не умел остановить такси и шел пешком кварталов сорок от Центрального вокзала. Добрался весь на нервах и мокрый от пота, как свинья. Джудит протянула мне руку, я подал свою — и чуть не умер от унижения: утром я порезал палец и заклеил рану единственным пластырем, который нашелся в доме — детским, моего сына, с черепашками-ниндзя. Но редактор простила мне все оплошности — мы сразу подружились и до сих пор остаемся добрыми приятелями.

Незадолго до выхода «Доведенной до отчаянья» я дал своим родителям гранки посмотреть. Мама открывала почти исключительно «Макколс»* и «Дамский домашний журнал», а папа часто хвастался, что после школы книг в руки не брал и даже программные не дочитывал. Три недели спустя он позвонил и сказал, что прочитал историю Долорес от корки до корки, и ему понравилось. «Только я удивился, что в конце ты ее не убил», — добавил он. «Это еще зачем?» — удивился я. «А вдруг она до сих пор где-нибудь тут болтается?»

Мама Джудит Реган, Рита, тоже решила, что Долорес живой человек, а не строчка на бумаге. «Она хочет познакомиться с Долорес», — сообщила мне Джудит. Я ответил, что с удовольствием познакомлюсь с миссис Реган. «Нет-нет, — возразила Джудит. — Вас мама видеть не хочет, только Долорес».

* Журнал кройки и шитья. — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Доведенная до отчаянья» увидела свет в июле 1992 года, и меня отправили в книжное турне по шести городам. Есть от чего закружиться голове школьного учителя, пусть даже аудитория, собиравшаяся в книжных магазинах, состояла порой из четырех-пяти работников, твердо решивших спасти ситуацию. Всякий раз я слышал одни и те же слова и вопросы от прочитавших историю Долорес: «Я все время переворачивала книгу и глядела на заднюю обложку — проверяла, точно ли автор мужчина... Как вам удавалось так верно писать от лица женщины?»

Сказать правду, повествовать от имени противоположного пола не показалось мне чем-то архисложным: я вырос в районе, где тон задавали мои старшие сестры и кузины, и с детства не видел в женщинах ничего таинственного. Плюс я девять лет получал отзывы от своих коллег с литературного, и наши дамы всегда без обиняков говорили, где я взял неверную ноту, что у меня случалось довольно часто. Но я многократно перечитывал и безжалостно правил рукопись. Хоть и писал от лица Долорес, ощущения у меня всегда были родительские. Часто, взяв ручку «Бик» и пригласив свою героиню поведать мне еще что-нибудь о жизни, я переживал за ее слова и поступки, совсем как отец не вполне контролируемой дочери. И тем не менее от постоянно повторяющихся вопросов и замечаний мне стало неудобно, будто я нарушил некое основное правило, о котором знали все, кроме меня. Поэтому, возвращаясь в гостиницу после каждой встречи с читателями, я снимал штаны и проверял, на месте ли мое мужское снаряжение. Снаряжение было на месте, и я с облегчением сверялся с маршрутом, соображая, куда поедет дальше, забирался под одеяло и засыпал.

Когда очередным пунктом турне оказалась Калифорния, помощница Линды Честер Лори Фокс повела меня на бранч в прекрасное уличное кафе.

— Что это? — спросил я, когда она достала из сумки кипу листов формата А4. Лори ответила, что

12 это контракт на книгу: издательство хочет, что-

бы я написал новый роман, и готово заплатить аванс. «Как-то через задницу, — смутился я, — брать деньги за неделанную работу». Лори заметила, что у меня очень нестандартный взгляд на вещи, и заказала мне еще «Шабли». К концу бранча я расписался на пунктирной линии, а к концу лета взял в школе академический отпуск и засел за второй роман, который через шесть лет превратился в «Я знаю, что это правда» — историю об идентичных близнецах, один из которых был шизофреником.

Едва Долорес и К° убрались с моего письменного стола и из моей жизни, начали приходиться письма читателей — и телефонные звонки. Когда позвонила Опра Уинфри сказать, что прочла и полюбила «Доведенную до отчаянья» и я теперь должен ей две ночи сна, я тыкал пальцем в телефон и одними губами говорил жене: «Опра! Это Опра!» У Крис масса талантов, но по губам она читает плохо. «Копра? — допытывалась она. — Швабра? Папа римский, что ли?» Этот памятный звонок случился за пять лет до того, как Опра открыла свой феноменально популярный книжный телеклуб; тогда она снова позвонила сказать, что «Доведенная до отчаянья» у нее третья в списке книг, рекомендованных для чтения миллионам телезрителей. Но первый звонок не имел отношения к шоу: Опра хотела сообщить как читатель писателю, что история Долорес тронула ее до глубины души и она рада, что я написал эту книгу. Ее слова до сих пор остаются для меня вишенкой на рожке мороженого, которое началось позже.

Спустя двадцать лет у меня набралось несколько пластмассовых ведер с письмами читателей, в основном о «Доведенной до отчаянья». Я тогда уже сменил двух литературных агентов и написал четыре романа. Я бережно храню все письма, но особенно дорожу поступившим вскоре после выхода романа посланием от молодого душевнобольного — «резчика», который неоднократно пытался заглушить душевную боль, нанося себе порезы.

Ниже привожу отрывок из его письма:

«Я пишу не душу изливать, мистер Лэмб. За два с половиной года лечения в Институте Жизни я много читал и размышлял, и мне пришла в голову нелепая мысль/фантазия — кого из литературных персонажей я бы пригласил на званый ужин. Прискорбно инфантильный в свои двадцать семь лет, я позвал бы Холдена Коулфилда (Сэлинджера), Джейка Барнса (Хемингуэя), Эдну Понтелье (Кейт Чопен) и Кролика Ангстрема (молодого) (Джона Апдайка). Так вот, хочу вам сообщить, что мое приглашение распространяется и на Долорес Прайс. Ребенком я не был таким толстым, как Долорес, но когда я попал в Институт Жизни, мне кололи торазин и много еще чего, и я живо набрал пятьдесят килограммов. И хотя топиться, как Долорес, я не пробовал — я же мужчина, сцена сдохлым китом меня потрясла: мне казалось, Долорес борется за меня. А когда на поверхность пенным кругом поднялись пузырьки воздуха (перед тем, как киту всплыть на поверхность), я искренне за нее обрадовался. Спасибо, что написали эту книгу. Передавайте Долорес горячий привет.

Шалом,

Дэвид Ф.

Р. С. Вас не бесит, что люди покупают книжки собачонки Милли или Раша Лимбо, когда могли бы обрести друга на всю жизнь, познакомившись с Долорес Прайс? Не понимаю таких олухов. Ну и черт с ними. Уверен, ваш роман станет бестселлером».

Письмо Дэвида Ф. вызвало у меня смех и слезы, совсем как сама Долорес, пока я рассказывал ее историю. Я тогда решил на небольшое детективное расследование (дело было до принятия закона об унификации и учете в области медицинского страхования) и, против ожиданий, выяснил его фамилию и телефон. Я позвонил поблагодарить за смелое и удивительное письмо и сказать Дэвиду Ф., что ему нужно пробовать себя в литературе. Шокированный моим звонком, он общался с болезненной застенчивостью, а когда я сказал, что надеюсь когда-нибудь с ним встретиться, Дэвид извиняющимся тоном от-

ветил, что он бы с удовольствием, но личную встречу ему не осилить. После этого у нас завязалась дружба по переписке, которая длится по сей день.

Через пять лет после письма от Дэвида Ф. Опра сделала «Доведенную до отчаянья» бестселлером номер один по версии «Нью-Йорк таймс» и «США сегодня». Статья в «Бостон глоуб» в январе 1997 года о выборе романов для книжного клуба Опра (первой в списке значилась книга, написанная мужчиной) лучше всего описывает водоворот всеобщего внимания, в который я неожиданно попал. Над моей большой фотографией, сделанной на уроке со старшеклассниками (шнурок развязан, на лице недоумение), красовалась надпись: «Какой такой Уолли?»

В далеком 1981 году, став отцом и начав писать рассказы, я и подумать не мог, сколько всего случится, хорошо и плохо: 11 сентября и Колумбайн*, популярность электронных книг, потеснивших печатные, закат эры пишущих машинок и их преемников, матричных принтеров, смерть моих родителей и рождение младших братьев Джареда — Джастина и Тедди. Сегодня малыш, которого я подбросил к потолку от радости, что мой рассказ сочли достойным публикации, уже ровесник меня тогдашнего. Джареду тридцать один, он директор Новоорлеанской академии руководящих кадров — независимой школы в рамках программы «Знание — сила», открытой им для детей новоорлеанского гетто после урагана «Катрина».

Тогда я этого не знал, равно как и не представлял, что случится зимним вечером 2008 года незадолго до выхода моего третьего романа «Час, когда я впервые поверил». Я читал отрывок из книги перед большой, благожелательно настроенной аудиторией в баре «Русалочка», забегаловке в Нью-Хейвене. Когда у слушателей иссякли вопросы и я собрался уходить, ко мне подошел красивый здоровяк лет сорока с лишним. «Здравствуйте, Уолли, это я, — ска-

* Речь идет о массовом убийстве в школе Колумбайн в 1999 году — 37 раненых, из них 13 смертельно (организаторы бойни, два ученика старших классов, застрелились).